

Итель лицо неизвестное, проживавшее по чужому письменному виду. Затылок обнаружено, что в ограблении почти участвовал сторож Новонокозской казенной станции, сохранивший Анною Сидоровой, нападением пленных на Иваном Виноном 8-го числа июня, который, проживший три дня, потребовал расчесть и паспорт и 11 числа утром ушел неизвестно куда; паспорт сторожа по кратковременности не был заглажен в станичное правление, по Винону припоминается, что по паспорту имя сторожа Константина, а фамилия Заглазев и что будто он служил в г. Мариуполе на посылках или в гавани табельщиком. Так как есть основание предполагать, что грабители, укрывшись от преследования в хитрости, выросших арестован в полтора, могли отправиться на Мавлевский каменно-угольный шахты и поступить на время в число рабочих, то окружным начальником командирован на шахты нижние чины полиции с крестьянином Власовым, знающим в лицо обоих грабителей, для пересмотра при содействии местных полицейских урядников всех горнорабочих, поступавших на работы с 11—15 июня, также произвести розыск и на заводе Юма при содействии надзирателя.

Одесса. Благодаря установившейся в последние дни знойной погоды, хитрый в окрестностях Одессы быстро соображает. В некоторых местах началась уборка ячменя.

Киев. В министерстве земледелия и государственных имуществ возбужден вопрос о созины в будущем году в Киев областного съезда садоводов губернии: Волынской, Киевской, Курской, Подольской, Полтавской, Черниговской и Херсонской.

Курск. На этих днях в Курск на Курскую армарию прибыла какой-то торговец и занял квартиру. В небольшом савояж он привез несколько сотен довольно крупных бриллиантов, которые он несколько раз рассматривал, сортировал и взвешивал на маленьких весах. Кухарка несколько дней наблюдала за бриллиантовыми купцом и рассуждала о несметном богатстве приезжаго. Наконец, узнавши в мечтотной лавке, что самый маленький бриллиант стоит не менее 7 рублей, ринулась на преступление. В то время когда купец спал, она выкрала несколько десятков драгоценных камней и закопала их в землю. Через несколько дней купец уехал. Кухарка поспешила на базар продавать бриллианты, но там ее поджидал на съезд, так как «бриллианты» оказались простыми стеклышками, не имеющими ценности. От такой неудачи кухарка чуть не наложилась на себя руки.

СО ВСЕХ КОНЦОВ РОССИИ.

Петербург. Здесь, по словам «Рус. Живия», распространился слух о заяти под опеку одного из самых щедрых благотворителей, миллионера С., который недавно еще пожертвовал 400 тыс. рублей на устройство биологического института профессора Лесгафта и столько же на организацию кассы взаимопомощи рабочих золотых приисков Сибири. К его помощи прибегало много частных лиц, на его средства содержались около 70 ти стипендиатов в высших учебных заведениях в России и за границей. Говорят, что за последние время его благотворительная деятельность получила несколько ненормальный характер. Так, он будто бы подарил какому то дворянину двести тысяч рублей, поточному пятьсот руб. и пр. В виду возник-

шего сомненья в психической нормальности С., ршено принять меры к сохранению его имущества. Между прочим, у него отобрано около полтора миллиона наличных денег; кроме того, у сестры его арестовано около полутора тысяч, переданных им на какое то благотворительное дело. Опекуном над имуществом С. назначается, по слухам, д. с. с. Кладичев.

Москва. 24-го июня исполнилось пятидесятилетие со дня посвящения в сан иеромонаха высокопреосвященнейшего митрополита Московского и Коломенского Сергия. Владика в этот день служила литургия на себя на подворье. Вскор исполнит владыка и тридцатипятилетие его епископства. Во все это время высокопреосвященнейшему Сергию пришлось управлять 4-мя епархиями: Курской, Казанской, Херсонской и, наконец, Московской митрополию. Вся жизнь владыки тесно связана с Москвою. В Московской духовной академии он окончил курс, там он принял инокский сан, получил ученые степени, был инспектором, а затѣм ректором академии; в сан архимандрита управлял монастырями—Петровскими и Знаменскими, и в Москву же был хитроиспан в сан епископа Курского и Вязьгородского.

Пермь. В Перм. Губ. Вд. напечатано следующее соображение: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу г. министра внутренних дел, в 11-й день мая сего года, Всемилостивейше соизволил на выдачу земскому начальнику 7-го (ныне 2-го) участка Верхотурского уезда, штабс-капитану запаса Сямкину единовременного пособия в размере пятидесяти рублей на лечение ран, полученных им во время происшедших в Нижне-Татарских 9 января сего года беспорядков».

Вятка. В ознаменование поминки Его Императорского Высочества На-савкина Цесаревича Вятское губернское земство постановило образовать особый фонд в 30 т. руб. из запаса капитала, проценты с которого должны идти на бесплатную раздачу книг среди сельского населения. Как известно, на этот предмет Вятское земство в настоящее время ассигнует по 4 т. р. в год, раздавая на эту сумму книг ежегодно по 40 т. экземпляров бесплатно населению через членов училищных советов, губернских гласных и уездных земских управ. Образованный же особый фонд на это симпатично во всех отношениях дело последнее упорно не удается.

Ревель. Здесь, как сообщают «Рев. Н.», изготовлен в мастерской скульптора Коппельского памятник, посвященный скульптору, воздухоплавателю Шарлю Леру. Памятник состоит из куса принята, на плоской стороне которого написано на английском, французском, русском и немецком языках имя и дни рождения и смерти погребенного воздухоплавателя. Над надписью сдана орнаментный рисунок: воздушный шар и под ним парашют с летящим аэронавтом, портрет которого очень удачен. Высота памятника 9 фут. На-днях г. Коппельский намерен поставить памятник на могилу Леру на Коппельском кладбище.

Нижний-Новгород. Переселенческое движение через Н.-Новгород продолжается. Ежедневно из города отправляются на пароходах переселенческие партии и ежедневно же прибывают с пароходами желѣзной дороги новы. В Нижнем переселенцам приходится ждать иногда отправку по несколько суток. Так, напр., в последние дни в город находилась переселенческая партия из Полтавской губ., Лохвицкого уезда, с Удмы, которая вот уже десять дней ждет

прибытия своего багажа. Багаж был сдан им на ст. Юсуповской желѣзной дороги, как видно из выданной им там квитанции, еще 30 мая и должен был идти вслед за ними. Однако багаж этот не пришел до сих пор.

ВЪШНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Похороны президента Карно.

В воскресенье, 19-го июня (1-го июля), Париж, а с ним и вся Франция отдали последнюю почесть бранным останкам президента Карно. Они были погребены в Пантеон при безпримѣрном стечении народа. Парижские газеты, от 2 июля н. с., исключительно наполнены описаниями величавых похорон, которым, быть может, не было подобиях в истории Франции, единогласно заявляют, что небывалая их торжественность была вполне достойна того великаго гражданина и безукоризненно честнаго челоѣка и патриота, который, как выразился Жоли, «des Debats», в течение без малого сорока лет, высоко держал знамя Франции и своими нравственными качествами ставил себя всеобщую любовь и уважение». С девяти часов вечера, накануне похорон, уже много людей расположилось почитать на улицах, по которым должны была пройти погребальная процессия, с тем, чтобы видеть ее как можно ближе. Съ обеих сторон бульваров, окаймляющих Елисейский парк, расположились на ночлег под открытым небом цѣлыя семейства, прибавивши к разным кошикам Парижа, а также из ближайших и дальних его окрестностей, съ табуретками, столами, лѣстницами. На всѣх перекрестках, площадях и улицах всю ночь толпились на роль въ ожидании слѣдующаго утра. На рассветѣ уже всѣмѣсто от Елисейскаго дворца до Пантеона были заняты. На Тюльерской террасѣ мѣстности свыше десяти тысяч челоѣкъ. Тамъ временнѣе въ Елисейскій дворецъ продолжали подвозить вѣнзы, которые, по мѣрѣ ихъ доставки, располагались вокругъ воздвигнутаго на парадномъ дворѣ Елисейскаго дворца величаваго катафалка, на который былъ поставленъ накануне, съ вечера, гробъ съ прахомъ президента. Съ лѣвой стороны катафалка красовались вѣнзы, присланные отъ царственныхъ лицъ. Они лежали на подставкахъ, покрытыхъ крепомъ, въ виду того, что, согласно утвержденному церемониалу, ихъ должны были нести на рукахъ державъ печальную колесницу. Среди всѣхъ этихъ вѣнзъ обращалъ на себя общее вниманіе великолѣпный вѣнокъ изъ орхидей, хризантемъ, Иванъ-да-Марьи и сирени, присланный Императоромъ. Вокругъ этого вѣнка были такъ расположены, по свидѣтельству газеты «Temps», его съ трудомъ вынесши изъ воротъ Елисейскаго дворца. Съ девяти часовъ утра стали съѣзжаться высокопоставленные лица, сенаторы, члены академій, городскія власти, гражданскіе и военныя сановники и депутаты отъ флота и разныхъ воинскихъ частей. Вскоръ затѣмъ прибыли члены дипломатическаго корпуса и военныя представители иностранныхъ державъ. Нѣкоторые послы были въ военной формѣ, въ томъ числѣ и англійскій посолъ, лордъ Деффринъ. Въ половине 10 го часа, во дворѣ Елисейскаго дворца въѣхала та самая погребальная колесница, на которой были перевезены бранные останки маршала Макъ-Магона. На четырехъ углахъ ея висѣли серебряныя ангелы, поддерживавшіе куполъ багданаго, увѣнчаннаго черными, страусиными перьями. Къ тому времени и на пути слѣдованія процессіи стали водворять

сея порядкомъ. Войска выстраивались пѣшемерами вдоль перпендикулярнаго тротуаровъ, и въ то же время располагались въ указанномъ церемониаломъ порядкѣ, депутація отъ различныхъ министерствъ, казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденій, отъ обществъ, корпорацій, торговыхъ и снндикальных палатъ, образованныхъ двѣнадцати отѣлений, вытѣнувшихся на значительномъ протяженіи. Къ 10 часамъ утра, всѣ лица, должноставшіе присутствовать при выносѣ тѣла и постановкѣ гроба на печальную колесницу, уже находились въ полномъ сборѣ. Вскоръ посылались сигналы, подаваемый трубачами кирасирскаго полка и возвышавшіи о приближеніи викария съ президентомъ республики Казимиромъ Перье.

Президентъ республики былъ встрѣченъ председателемъ совѣта министровъ, Дюлономъ, и генералитетомъ. Подойдя къ катафалку, онъ низко поклонился праху своего предшественника. Эта минута, исполненная высокою умилительною торжественности, произвела на всѣхъ присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе. Затѣмъ Казимиръ Перье отправился въ апартаменты г-жи Карно. По возвращеніи его изъ внутреннихъ комнатъ Елисейскаго дворца, десять линейныхъ каретъ подѣлили гробъ съ катафалка и поставили его на печальную колесницу. Водарилось гробовое молчаніе. Желѣзные ворота окружающаго дворецъ рѣшетки распахнулись, раздался барабанный бой, и хоръ музыки республиканской гвардіи заигралъ похоронный маршъ Селеника. Войска вѣли на караулъ, и погребальная процессія двинулась въ слѣдующемъ порядкѣ: первый эскадронъ 2 кирасирскаго полка, Парижскій генералъ-губернаторъ, генералъ Соссе, со своимъ штабомъ и свитою изъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія; три эскадрона 2-го кирасирскаго полка; парижскій командантъ съ адъютантами; командующій инженерными войсками Сен-скаго департамента; 29-й стрѣлковый батальонъ и два батальона морской пѣхоты. Стройный маршъ войскъ производилъ на публику сильное впечатлѣніе. Съ разныхъ сторонъ послышались: «Да здравствуетъ армія!» на эти невольныя, быть можетъ, возгласы тотчасъ заступались свистомъ. За войсками несли вѣнзы отъ Царственныхъ Особъ. Вѣнзны, присланныя Германскими императоромъ, какъ сообщаютъ газетѣ «Temps», въ два метра въ діаметрѣ и съ лентами, украшенными императорскою короной и вензелемъ, обращали на себя общее вниманіе; по изъ среды народа нѣсколько вырвались сердечный кликъ: «Да здравствуетъ Россія!» при видѣ великолѣпнаго вѣнка въ шесть метровъ въ діаметрѣ—присланнаго Русскими Царемъ. Изъ прочихъ вѣнзъ въпечатлѣніе произвели вѣнокъ отъ русскаго епископа архіепископа Леонидъ, составленный изъ незабудокъ и бѣлой сирени, съ синєю лентою и съ надписью на ней: «Президенту Карно—данъ глубокой скорби и неизгладимыя воспоминанія» и вѣнокъ итальянской колоніи изъ натуральныхъ цвѣтовъ и лавровыхъ листьевъ, первыми лентою итальянскихъ национальных цвѣтовъ. На всѣхъ пути погребальнаго шествія, оба русскія вѣнзы неудержимо вызвали въ народѣ возгласы: «Да здравствуетъ Россія!» За печальною колесницей, передъ которой всѣ головы обнажились и всѣ мысли сливались въ одномъ глубокомъ благоговѣнномъ чувствѣ, шествовавшій штабъ офицеровъ несли подушки, съ положенными на нихъ орденами покойнаго. Впереди другихъ, артиллерійскій капитанъ несъ ленту Почетнаго Легіона. По обѣимъ сторонамъ печальнаго колесница шли воспитанники политехнической школы, а

за нею шествовали братья и родственники покойнаго, два демоніи-мѣстера съ мѣзлами и превратили республику Казимиръ Перье, съ непокрытою головою и въ сопровожденіи многочисленнаго военного свита, членовъ дипломатическаго корпуса и иностранныхъ военныхъ агентовъ. Шестые замканы многочисленныя корпораціи, и въ томъ числѣ депутація альпъ-лотарингцевъ, впереди которыхъ шли двѣ молодыя дѣвушки въ альпасскихъ восточкахъ и съ флажками, окутанными флеромъ. На перепутье собора Парижской Богоматери встрѣтилъ гробъ архіепископъ парижскій, кардиналъ Ринар, окруженный многочисленными духовенствомъ. Огнѣваніе, во время котораго перенесенный въ колесницу гробъ пошелъ на великолѣпномъ катафалкѣ въ двѣнадцать метровъ вышины, продолжалось безъ малаго два часа. Вся церковь была обступлена трауромъ, а самый катафалкъ, окруженный множествомъ палачиковъ, представлялъ величественное зрѣлище. Въ соборѣ, въ качествѣ замѣстителя папы, на почетномъ мѣстѣ возсѣдалъ нунцій его свѣтлѣйшества, монсеньоръ Феррата. Газеты сообщаютъ, что величественность заушечной литургии, совершающейся при такой исключительной обстановкѣ, производила на присутствующихъ невыразимое впечатлѣніе. Захватывающее душу чувство овладѣло всѣми, когда подъ сводами собора раздался голосъ пѣвца Фора, пропѣваемаго подъ величественныя звуки церковнаго органа молитву «Pie Jesu!». Концертное общество исполнило финалъ мессы «Requiem» Сент-Сенса, а хоръ соборныхъ пѣвчихъ пропѣлъ заушечную молитву «Libera». Затѣмъ все стихло, стоявшій, во время пѣнія молитвы, у ступеней алтара, парижскій архіепископъ, кардиналъ Ринар, подошелъ къ алтарю, съ митрою на головѣ и съ посохомъ въ рукѣ, произнесъ прочувствованное слово.

По окончаніи отпѣванія, гробъ былъ вынесенъ изъ церкви, а печальная процессія прибыла, въ 3 часа пополудни, къ Пантеону, внутри котораго возмывались подъ багданнымъ катафалкѣ, на который былъ поставленъ гробъ. Съ правой стороны катафалка была устроена трубуна, съ которой президентъ палаты депутатовъ и сената произнесли свои рѣчи.

По окончаніи печальной церемоніи, гробъ съ прахомъ президента Карно былъ опущенъ въ склепъ.

Франція. Кабинетъ Казимира Перье, какъ известно, прекратилъ выдачу содержанія лонскому архіепископу монсеньору Кулье за его отказъ представлять правительству отчетъ о расходованіи церковныхъ суммъ. Кабинетъ, кроиъ того, рѣшилъ привлечь архіепископа къ отвѣстности передъ государственнымъ совѣтомъ. Дюло прекаралъ судебное дѣло, теперь архіепископъ получилъ извѣщеніе о томъ, что правительство восстановило ему содержаніе и рѣшило уплатить ему удержанную сумму. Мотивомъ этой мѣры служатъ то, что архіепископъ лонскій соборовалъ Карно.

«Figaro» записываетъ, что тѣхъ, которые не были на похороны Карно, легче назвать, чѣмъ тѣхъ, которые были, потому что на похороны были все. Не явились на похороны: маршалъ Канроберъ, которому врачи запретили выходить изъ дома, опасаясь за его здоровье. Представителями маршала явились два его адъютанта. Давидъ, Деруахъ долженъ былъ присутствовать въ качествѣ президента отъ парискаго муниципальнаго общества, но по дорогѣ въ Парижъ заболѣлъ и слегъ въ Агудемъ. Наконецъ, не была на похороны г-жа Карно. Когда печальный кортежъ тронулся отъ Елисейскаго дворца, вдова пре-

зидента заперлась въ маленькой комнатѣ Елисейскаго дворца и весь день провела тамъ, зная въ слезахъ и молитвахъ свое неутѣшное горе. Это были первыя минуты, когда послѣ постигшаго ее удара она могла, наконецъ, остаться наединѣ съ своей великой печалью.

По послѣднимъ извѣстіямъ парижскихъ газетъ, всѣ слѣдствія Казеріо судебному слѣдователю показаны были подробнѣе и найдены согласными съ истиною. Казеріо подерживалъ постоянныя сношенія и съ парижскою анархистскою группой. Онъ получалъ отъ разныхъ единомышленниковъ анархистскія брошюры и газеты и за производимую имъ пропаганду его собирались выслать изъ Франціи, но, по просьбѣ одного радикальнаго депутата, исполненіе этой мѣры, какъ рассказываютъ въ коридорахъ палаты, было отложено.

Тѣмъ временемъ производится новое аресты анархистовъ. Особенное значеніе придано арестованію садонника Леже, семнадцатилѣтняго юноши. Леже, слышавъ въ превосходномъ маломъ, удалось поступить на службу въ химическую лабораторію, гдѣ онъ занялся изученіемъ взрывчатыхъ веществъ. На квартирѣ Леже найдена была даже уже на половину готовая бомба.

Не меньшее значеніе придано арестованію въ Бельеръ земледѣльца Гюи. Оказывается, что Гюи уже восемнадцать лѣтъ ведетъ обширную переписку съ парижскими, лондонскими, испанскими и итальянскими анархистами. Переписка эта протѣкаетъ, какъ полагаютъ, не мало сѣта на дѣятельность анархистской секты. Кроиъ этой переписки, найдены у Гюи написанная имъ, но еще не напечатанная анархистская брошюра.

Кроиъ Парижа, гдѣ въ 200 анархистовъ освобождено послѣ допроса всего 160, аресты произведены еще въ Лезь, Лионѣ, Албѣ, Тулонѣ и многихъ другихъ городахъ. Въ Тулонѣ арестованъ рабочій, громко сказавшій среди многочисленной группы товарищей: «Если Карно побѣдитъ въ Лионѣ, то онъ врядъ ли вернется востанови».

Въ Парижѣ, при слѣдованіи похоронной процессіи, арестовано нѣсколько анархистовъ, громко кричавшихъ: «Да здравствуетъ коммуна!» На площади Сентъ-Мисель, нѣкто Лопренсъ, по профессіи поваръ, ставъ превозносить убійство Карно. Полиція съ большимъ трудомъ спасла Лопренса отъ народнаго самосуда.

Германія. Императоръ Вильгельмъ II и императрица втораго юля, въ десять часовъ утра, отбыли изъ Кля на императорскій яхтъ «Гогенцоллернъ» въ Северное море. Всѣ военныя суда, стоявшія на рейдѣ, салютовали отъѣздъ императорской яхты.

20-го июня (2-го июля) въ Фридрихсруѣ князь Бисмаркъ принималъ у себя 400 членовъ засѣдающаго на нѣтъ Гамбургскіа конгресса нѣмецкихъ журналистовъ. Старый канцлеръ, который, по словамъ, былъ довольно слабъ, произнесъ въ отвѣтъ на пріѣздившія журналисты короткую рѣчь, въ которой превозносилъ австро-германскій союзъ и выражалъ желаніе дожить до той минуты, когда союзъ этотъ будетъ находиться на неизбѣжныхъ основахъ. «А жить мнѣ, прибавилъ князь Бисмаркъ—остается, конечно, не долго».

Поминаніе германскимъ императоромъ французскихъ офицеровъ Дегуи и Делгей-Малаваса, какъ уже знаютъ наши читатели, произвошло во Франціи чрезвычайно благоприятное впечатлѣніе. Дегуи и Делгей были арестованы 28-го августа прошлаго года въ Кля, на англійскій яхтъ «Инсектъ», плавава на которой, они производили снимки нѣмецкихъ крѣпостей. Ихъ судили въ

дѣловомъ мѣстѣ въ Лейпцигѣ и приговорили Дегуи къ шестилѣтнему и Делгей къ четырехлѣтнему заключенію въ крѣпости. Обѣимъ ои назначили въ Гляцкой крѣпости, и нѣсколько предварительное ихъ заключеніе было обставлено строгостію, настолько жебѣ суда обстановка ихъ измѣнилась въ лучшее. Такъ, имъ было позволено свободно писать къ роднымъ, подѣ честными словами сообщать ничего о германскихъ укрѣпленіяхъ. Затѣмъ, имъ дозволены были свиданія съ родными и друзьями, иногда даже безъ всякаго контроля. Офицеры не могутъ называться своими командантомъ генераломъ Бухгольцемъ. Очень строгій въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ, какъ частный челоѣкъ, оказывалъ своимъ пѣнникамъ всевозможное вниманіе и въ день рожденія одного изъ офицеровъ явился даже къ нему въ камеру съ поздравленіемъ.

Италія. Газеты приводятъ слѣдующія подробности объ убійствѣ журналиста Банди въ Липорно. Джузеппе Банди, редакторъ-надеждъ «Gazetta Livornese» и «Telegrafo», возвративъ въ воскресенье, 17-го, изъ окрестностей Липорно, направлялся въ экипажѣ въ типографію своей газеты. Въ то время, когда онъ ѣхалъ по Via delle Grazie, какой-то челоѣкъ всталъ на подножку коляски и молча возвысилъ въ него пистолетъ. «И рашеро» —закричалъ Банди и ухватъ за подушки. Кучеръ, который еще нападѣніи вѣнзѣмъ подорожняго челоѣка, прохаживавшагося около дома Банди, быстро обернулся и поймалъ убійцѣ нанести второй ударъ. Лошадь была остановлена, но убійца успѣлъ убѣжать, прежде чѣмъ кучеръ соскочилъ съ коляски. Последній бросился за помощникомъ и встрѣтилъ двухъ яндармовъ, объяснявшихъ имъ, въ чѣмъ дѣло. Въ то время, какъ одинъ изъ яндармовъ пустился по слѣдамъ убійцы, другой помогъ кучеру доставить Банди въ ближайшую аптеку. Здѣсь прибывшій докторъ нашелъ невозможнымъ дѣлать операцію, и раненый былъ перенесенъ въ госпиталь. Между тѣмъ убійца скрився въ одной изъ соседнихъ виллъ, успѣвъ запереть двери передъ догонявшими его яндармами. Отсюда онъ проникъ въ садъ и, встрѣтивъ по пути привратника виллы, спрашивающаго, что ему нужно, пригрозилъ ему окровавленными кинжаломъ. Черезъ садъ убійца вышелъ на другую улицу и скрився.

Джузеппе Банди былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ писателей Гарибальди. Онъ участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ послѣдняго, былъ безвѣстное количество разъ раненъ, такъ что все тѣло его было покрыто рубцами отъ старыхъ ранъ. Онъ издавалъ «Gazetta Livornese» около 12 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ бывшій редакторъ этой газеты Фердинандо былъ убитъ кинжаломъ при обостреніи страсти, напомнимъ убійство Банди. Благодаря своимъ статьямъ, Банди имѣлъ огромное вліяніе во всей провинціи Ливорно и даже въ Италіи. Какъ анархистъ, тѣмъ и реакціонеры его ненавидѣли. Противъ тѣхъ и другихъ его газета выступала съ рѣзкими обвинительными статьями. Годъ два тому назадъ анархисты подносили въ редакцію динамитный петроль, который былъ своевременно открытъ. Послѣ убійства Карно статьи Банди противъ анархистовъ приняла еще болѣе рѣзкій характеръ. Особенно рѣзкая была статья отъ 15-го июня, въ которой Банди не признавалъ за убійцѣ никакого смягчающаго обстоятельство.

Послѣ этой статьи около дома Банди и около редакціи «Gazetta Livornese» стали замѣчать прохожащихъ много то челоѣковъ, примѣти котораго подождали съ свѣдѣніями, данными объ убійцѣ вчерашнемъ.

Какъ сумасшедшая, побѣжала къ Фенѣ. Она, раскраснѣвшись отъ мороза, синала шубу.

— Ну, что? говори скорѣй! пришла и такъ и такъ.

Она молча терла лицо.

— Да ну же, говори! что ты молчишь?

— Ухъ, какъ холодно! проговорила она.—Ничего. Баринъ дома, сидитъ, читаетъ.

— Ну, говори подробно. Гдѣ онъ былъ? что дѣлалъ?

— Да, въ дни болѣе дома. Все пишущее то-то.

— Здоровъ онъ?

Феня усмѣхнулась. Я видѣла у ней что то лукавое въ глазахъ.

— Здоровы. Что жъ имъ дѣлается?..

— Какъ ты гадо говоришь! Что дѣлается? ужасно гадо!

— Ну, конечно! воскликнула она, и вдругъ разразилась. Чего имъ болѣе-то? они веселыя развѣ? Непто такъ-то господа хороше дѣлаютъ? Жену сprovодилъ, да другую завелъ! Вишь все нажену свернула, а вѣрно самому на волю захотѣлось а жена, тутъ за нимъ убивается!

— Ты съ ума сошла? Какую жену? Кого завелъ?

— Какую!.. прежнюю свою—вдова она теперь,—эту вертуню то Марью Ивановну! Вѣра все вечеръ у нихъ пробыла, хотѣли да пили вмѣстѣ! Ну, ужъ баринъ! въ вотъ дѣлается! жениха своего какъ черезъ нѣтъ обжигаетъ, а имъ не стыдно заводить у себя всякую дрянъ! Ну, въ другомъ бы мѣстѣ гдѣ, а не въ доиъ своемъ: вѣдь онъ не холостой челоѣкъ, не въ разводѣ съ вами, а не могли удержаться, вишь вспоминали старыя шашни..

Она молча долго говорила, но я не слыхала. Я почувствовала, что сердце мое сжалось тисками, въ гл-

захъ потемнѣло и я полѣтѣла въ каку-то пропасть, хватаясь за столъ, за Феню, мелькавшую предо мною...

Я очулась на Фениной постели. Спиртъ, поднесенный мнѣ въ носу, захватывалъ дыханіе. Надо мною наклонилось блѣдное лицо Леонида.

— Что съ тобой? скажи что-то слово, Елена!.. говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Я не могла припомнить, какъ я очутилась на этой маленькой кровати, за ширмой. Голова моя кружилась.

— Я не знаю... прошептала я, стараясь подняться и чувствуя страшную слабость.

— Феня говоритъ, что ты пошла сюда и упала.

— Да, да...

— Это отъ угорьши сегодня, подхватила Феня,—а тутъ передъ обѣдомъ глядела, а онъ стоялъ—ну, и угорѣла, а угаръ не скоро выходитъ.

— Должно быть угорѣла сказала я, кое-какъ соображая, что нужно подтвердить слова Фени,—пойдемъ, теперь пропало.

Онъ обхватилъ мою талию и провѣлъ меня въ спальню.

— Я сидѣла и писала, вдругъ слышу—Феня прочла мнѣ мою статью, заведенная чѣмъ-то и опять прошептала какъ молнія. Я вскочилъ за нею, прихожу и вижу—ты лежишь на полу безъ чувствъ... рассказывала Леонидъ. Милый, ангелъ мой, что съ тобою? радость моя, ненаглядная!..

Глава моя остановилась на большомъ портретѣ Жоржа. Я все еще вспоминала и замерла отъ ужаса. Оны, мой любимый, обожаемый Жоржъ, въ обмѣнъ ненависти порочилъ... Все конечно! Жизнь для меня кончена! Жить нельзя и незачѣмъ! О, глупая! безумная!.. я никогда не думала о его измѣнѣ, я не могла предста-

вить себя этого!.. Такъ вотъ она, эта жизнь, эта мука, эта агонія души, называемая ревностью!.. Вотъ что испытывалъ Жоржъ, когда узналъ о моей измѣнѣ!.. Онъ пострадалъ на десять лѣтъ въ одну ночь. Да, можно не только пострадать, а умереть десять разъ отъ этого мучительнаго чувства... Что жъ теперь? для чего жить?.. Значитъ я жила невѣдомо для себя самою призракомъ надежды на примиреніе съ нимъ, а жила для него, жила, хотя съ нимъ и тосковала, но относительно спокойно, утѣренная въ его любовь... А теперь? Онъ не любитъ меня! Онъ другую ласкаетъ, онъ съ ней забытъ обо мнѣ!..

— О, какая мука!.. воскликнула я и опустила голову.

— Оляти ты блѣднѣешь? Елена, ангелъ мой! раздался голосъ Леонида, и я вспомнила о его присутствіи.

Если бы я дала волю своему чувству къ нему въ эту минуту, я бы заодно крикнула: «Уходи! я тебя ненавижу!» Но у меня достало силы скрыть этотъ порывъ и я быстро образовала, что мнѣ нужно притвориться покойной, чтобы отвлечься отъ него.

Я возмужнѣла и ушла бы отъ него, я, какъ истекающая кровью, зажала рану, чтобы не умереть сейчасъ, и собрала силы для притворства на три, четыре часа. Ну, а тогда я буду одна и свободна. У меня нѣтъ оружія для самоубійства, да и стрѣлять я не умѣю, пѣтъ яду, но у Фени есть въ шкафѣ цѣлыя пакки спичекъ. Я возьму нѣсколько коробокъ и къ утру ужъ не буду существовать. Меня не будетъ и ничего не будетъ, ни муки, ни ужаса, ни холода, а будетъ одинъ покой, вѣчный и безмятежный! Мнѣ стало легче отъ этого рѣшенія. Я даже успокоилась на столько, что прискакала Леонида. Я взяла его за голову и положила ее въ себя на грудь. Онъ, очарованный этой слабой,

не шевелился, какъ прирѣтый котенокъ и кажется не дышалъ отъ вознмаемаго ревностью!.. Вотъ что испытывалъ?..

— Тебѣ лучше? спрашивалъ онъ.

— Лучше, милый. Пойдемъ пить чай. Я почти здорова, только слабость осталась отъ угара.

— Слабая ты кака!.. говорилъ онъ за чайнымъ столомъ,—знаешь, Елена, когда я увидѣлъ тебя, лежащую на полу, блѣдную, я почувствовалъ, что ноги у меня подкосились. Ужъ не знаю, какъ я поднялъ тебя, да и то по приказанію Фени, она молодецъ у тебя, сѣлала, рѣшила тебя. И потомъ, когда ты лежала безъ движенія, какъ мертвая, я не помнилъ себя отъ ужаса. Теперь я знаю, что бы я чувствовалъ, если бы ты умерла!

— Поплакала бы и успокоилась, сказала я, стараясь улыбнуться.

— Нѣтъ, я бы не плакала. Я бы скоротила тебя и застрѣлила.

— Не говори глупостей.

